

- ...Когда мы вернемся, как раз подойдет первая партия хлеба у Джорджа. Его первый хлеб всегда самый лучший - мягкий и пышный, - продолжал делиться житейской мудростью Большой Мак. - Можешь заплатить ему за хлеб на месяц вперед и каждое утро забирать домой несколько свежайших ломтей.

- Звучит замечательно. А где можно купить джем или масло? - доверие Орвицки к Большому Маку крепло, появилось даже некоторое подобие уважения. Как говорили предки, мудрый - всегда учитель.

- В бакалейной лавке. Госпожа Батлери сейчас тоже должна быть открыта.

- Большой Мак, почему...

Как и предсказывал Большой Мак, на обратном пути они заглянули в булочную Джорджа как раз к моменту, когда первая партия хлеба была готова. Половина улицы пропиталась горячим, дразнящим ароматом свежей пшеницы.

У дверей булочной околачивалось несколько мужчин в рванье. Засунув руки в карманы и прислонившись к фонарным столбам, они не сводили голодных глаз с двери, то и дело облизывая пересохшие губы.

Завидев Большого Мака и Орвицку, они тут же отвернулись и побрели прочь. Их спины сутулились, походка была шаткой, кто-то даже приволакивал ногу.

Снова всплыл обрывок воспоминаний: прошлогодняя газетная заметка о принятии городским советом Содмана "Закона о запрете попрошайничества". Закон запрещал взрослым старше десяти лет просить милостыню как средство к существованию. Люди были твердо убеждены,

что в нынешней Нортонской империи, особенно в столичном Содмане, каждый, кто достаточно трудолюбив, вне зависимости от состояния здоровья, способен прокормить себя работой. Бедняки, которым нечего было есть, могли быть таковыми лишь по причине собственной лени.

Полицейским при встрече с попрошайками не предписывалось их арестовывать, достаточно было влечь им от пяти до десяти ударов палкой.

Прежний Орвицка когда-то вместе с друзьями бурно приветствовал обнародование этого закона, празднуя великую победу цивилизованного общества.

Орвицка отвел взгляд от жалких удаляющихся фигур и вместе с Большим Маком вошел в булочную.

Внутри была всего одна стеклянная витрина, а в продаже - лишь два вида товара: хлеб и большой хлеб.

Хлеб был длиной с предплечье и толщиной в полруки, на вид весил не меньше пяти фунтов. Он очень походил на русский каравай, но был темнее.

Большой хлеб был еще внушительнее, вдвое больше обычного. Чтобы водрузить его на прилавок, потребовались усилия двух рабочих с подносом. Когда его наконец опустили, Орвицка отчетливо услышал, как деревянный прилавок жалобно застонал под его тяжестью.

Пекарь Джордж был худющим - настолько, что щеки его ввалились, а глаза выкатились из орбит. Он походил скорее не на хозяина булочной, а на изможденного голодом бедняка.

Один из его рабочих усердно месил тесто. Огромный ком теста переваливался на доске, стол ритмично поскрипывал. Но внимание Орвицки приковало другое: парень кашлял, низко склонившись над тестом. Да, он кашлял прямо на него. Ногти на его руках, месивших тесто, были длинными и черными от грязи.

Прямо на глазах у Орвицки из носа рабочего капнула густая сопля. Тот торопливо поднял голову, утер нос подолом рубахи и снова склонился над тестом.

Орвицка, который до входа в булочную испытывал некоторый аппетит к местному хлебу, теперь почувствовал, как его желудок неприятно сжался: "Спасибо, до свидания, провозжать не надо...".

Ему захотелось немедленно развернуться и бежать без оглядки. Но в недавнем разговоре с Большим Маком он уже обмолвился, что тоже купит хлеб. Если он сейчас передумает, не вызовет ли это ненужных подозрений?

Значит, все-таки придется заказать хлеб на месяц, но его можно будет отдать тем бездомным, которым запрещено побираться. Хотя зарплата патрульного-стажера была мизерной - всего 40 айко в неделю, - он, вероятно, сможет себе это позволить?

Он стоял как вкопанный, слушая разговор Большого Мака и пекаря Джорджа:

- Это патрульный Мондейл, мой новый напарник, - представил его Мак.

Орвицка уже собирался заикнуться о покупке хлеба.

- Ну вот, познакомились, - Большой Мак уже развернулся и направился к выходу.

Выйдя из булочной, Большой Мак снова хлопнул его по плечу, на этот раз ощутимо сильнее:

- Так где ты все-таки собираешься покупать хлеб? - спросил он с усмешкой.

Очевидно, Большой Мак все видел. Орвицка испытал давно забытое чувство жгучего стыда, словно его поймали родители за какой-то неблагоприятный поступок:

- Я могу... попробовать испечь сам, - промямлил он.

Ответ Орвицки заставил Большого Мака удивленно приподнять брови:

- Мужчины... э-э. Ну что ж, удачи тебе.

"Мужчины не готовят". Конечно, Большой Мак хотел сказать именно это, но тут же осекся, вспомнив, что пекарь Джордж - мужчина, и его подмастерья - тоже мужчины. Обычная женщина просто не справилась бы с таким гигантским комом теста. К тому же, в соседней пиццерии повара тоже были сплошь мужчинами.

У Большого Мака даже мелькнула шальная мысль: "Забавно, большинство мужчин считаютстряпню женским делом, но на кухнях в ресторанах - одни мужики. А некоторые господа и вовсе отказываются есть еду, приготовленную кухаркой".

Но эта мысль была мимолетной. Большой Мак нашел это забавным, но не стал копать глубже. Он быстро снова посмотрел на Орвицку. В его взгляде читалось больше замешательства, чем ожидания (или злорадства?):

- Еда - дело важное, особенно в твои годы. Нужно есть досыта. Если не заладится, может, госпожа Торрей согласится стать твоей кухаркой по совместительству.

- Благодарю за заботу, я справлюсь, - поблагодарил Орвицка Большого Мака.

Он умел готовить, но, с одной стороны, помнил образ прежнего владельца тела - избалованного сынка богатого торговца, не привыкшего к труду, с другой - размышлял о кухонной утвари в его новом жилище. Там была газовая плита и камин. Орвицка, вернувшийся домой только вчера днем, еще не успел их опробовать. Всю еду ему приносила жена Большого Мака из дома напротив. В самом крайнем случае, если он не сможет испечь хлеб, то уж лепешки-то точно осилит.

У него дома не было ни соли, ни уксуса. Пойдите-ка, кажется, и посуды тоже не было?

Предметов первой необходимости тоже отчаянно не хватало, у него была всего одна захудалая простыня.

Орвицка вспомнил, как в прошлой жизни обставлял новую квартиру: каждый раз, когда ему казалось, что он купил все необходимое, вскоре обнаруживалось, что он что-то упустил из виду. Как говорится, дом - полная чаша, но именно всякая мелочевка и съедает больше всего денег. Орвицка поначалу наивно полагал, что двести золотых гербов, оставленные старым Мондейлом, так и пролежат нетронутыми на дне сундука, но теперь стало очевидно: карманных денег на покупку всего необходимого катастрофически не хватает.

Внутренне оплакивая свой тощий кошелек, Орвицка уже следовал за Большим Маком в мучную лавку.

Мучник Джордж был толстяком. Пониже ростом, чем виденный ими ранее мясник Вэнс, но круглее. Две короткие толстые ноги поддерживали идеально круглый торс, на котором через почти незаметную шею покоилась такая же круглая голова. У него было румяное лицо и самые аккуратные W-образные длинные усы, какие Орвицка когда-либо видел. Одежда его была вся перепачкана мукой, но на усах не было ни пылинки - он производил впечатление довольно жизнерадостного старичка.

- Ох, мой дорогой Большой Мак! - завидев вошедшего Большого Мака, он тут же раскинул объятия и заключил его в медвежьи тиски.

Когда Большой Мак представил ему Орвицку, мучник Джордж весело подмигнул ему:

- Какой вы пригожий молодой человек! Хвала небесам, моя дочь уже замужем, а то я бы за нее места себе не находил. Что желаете, дорогие офицеры?

Услышав обращение "офицеры", Большой Мак не смог сдержать довольной ухмылки. В конце концов, патрульных обычно именовали просто "сэр", а "офицер" было обращением к настоящим детективам.

- За мукой, конечно, старина Джордж, - тон Большого Мака стал заметно теплее.

- Тогда поглядите, мука у меня вся высшего сорта, и к тому же~, - он подмигнул Орвицке и сложил пальцы в знак "одобрено". - Разумеется, я могу доставить ее офицерам прямо на дом~, - он издал какой-то странный булькающий звук и снова подмигнул.

- Смотрите сюда. О, не туда, та - для лошадей. Эта мука - 6 айко за 10 фунтов, эта - 8 айко, а вот эта, моя лучшая мука, с добавлением гипса, - 12 айко! - провозгласил он с гордостью.

Орвицка: "..."

"С гипсом?!" - мысленно содрогнулся он.

"Ну да, снова всплыли воспоминания предшественника. Действительно, лучшая мука была с гипсом, и прежний Орвицка немало ее переел... Гипс делал выпеченный хлеб белее и плотнее, это считалось высококачественной добавкой".

Старый Джордж, очевидно, назвал им цену со скидкой, потому что перед мукой стояли ценники, и каждый вид муки стоил как минимум на 2 айко дороже. Лучшая мука с гипсом - так и вовсе на 4 айко.

"Но муку с гипсом - увольте". Орвицка решительно отвел взгляд. По сути, все три вида муки в Поднебесной считались бы цельнозерновыми, разница лишь в том, что в одну добавляли гипс, а в другую - камни. Орвицка мог понять, что при помоле в муку попадают мелкие камешки и пыль, но булыжники размером с большой палец прямо в мешке с мукой - это было уже чересчур.

- Мне вот эту, 20 фунтов, - Орвицка решительно выбрал средний вариант.

- Будет исполнено, 15 айко! - зычно гаркнул старый Джордж. - Вэнс! Отнеси на улицу Подковы, 35! Двадцать фунтов муки, для красавца-офицера Орвицки Мондейла!

- Слушаюсь, сэр! - раздался характерный стук, и из задней двери мучной лавки тут же выскочил паренек.

Он был примерно ровесником Орвицки. В эту погоду, которая хоть и считалась летней, но даже в полной форме Орвицке было слегка зябко, юноша был одет лишь в рваную рубаху и штаны с дырами на коленях. На ногах у него красовались черные деревянные башмаки - именно они и издавали этот стук.

Подмастерье постарше уже проворно наполнил полмешка и завязал его. Юноша по имени Вэнс без труда взвалил мешок на плечо и под дробный стук деревянных башмаков по каменной мостовой собрался нести его пешком.

Путь от улицы Подковы до улицы Длинной Канавы на общественном паровом трамвае был недолгим, но это все равно две остановки. А этот юноша намеревался тащить 20 фунтов груза пешком всю дорогу.

- Парень! - Орвицка догнал его у выхода из лавки. - Спасибо тебе.

Он протянул ему не только слова благодарности, но и монетку в пол-айко. Орвицка хотел дать ему монету в 2 айко, но обрывок воспоминаний подсказал, что 2 айко - это щедрые чаевые для официанта в приличном ресторане. Хотя на них можно было купить всего фунт хлеба, похоже, эти деньги все еще имели немалую ценность? Слишком крупная сумма в таком месте могла навлечь на мальчишку неприятности или даже привлечь алчные взгляды к самому Орвицке.

Юноша, остановленный Орвицкой, сперва немного оробел, но когда монета легла ему на ладонь, его глаза тут же засияли:

- Благодарю вас, сэр!

Он сунул монету под рубашку - Орвицка догадался, что там был потайной кармашек, и тактично прикрыл юношу от посторонних глаз. Тот благодарно улыбнулся ему, крепче перехватил мешок, и стук деревянных башмаков по мостовой зазвучал заметно веселее.